

Идеи превосходства Японии в эпоху Токугава: Нисикава Дзёкэн (1648 – 1724) в сравнении с другими мыслителями

В XVI в. Япония впервые знакомится с европейскими географическими представлениями. Процесс адаптации новых знаний шел сравнительно быстро, и мыслители уже начиная с эпохи Токугава (1603–1867) стали предлагать в своих сочинениях собственное видение устройства мира. При этом неизбежно происходило, во-первых, своеобразное смешение нескольких систем знания, во-вторых - сравнение Японии с Китаем, Индией и Европой, поскольку географический кругозор японцев к этому времени сильно расширился. В связи с этим обновленное звучание обрела идея превосходства Японии, которая получила новые варианты обоснования. Необходимо отметить, что на протяжении исторического прошлого японские мыслители неоднократно задавались вопросом: какое место Япония занимает в мире. Сравнение с культурными гегемонами – Китаем, Индией – возникало и прежде и оказывалось, в зависимости от эпохи и воззрений автора, как в пользу Японии, так и нет. Попытки обосновать превосходство Страны восходящего солнца были, как правило, связаны с представлениями *синто*. В первую очередь, приведем пример «Дзинно: сё:то:ки» («Записи об истинном наследовании императорского престола», 1339) Китабатакэ Тикафуса (1293 – 1354). В рамках же конфуцианской и буддийской парадигмы, которые в центре мироздания помещали страну своего происхождения, доказать превосходство Японии было непросто. Европейская же географическая мысль стремилась к нейтральному описанию мира и не выделяла явно какого-либо конкретного центра в нем. Знакомство с такими представлениями, а также политические события на материке (падение империи Мин и воцарение маньчжурской династии Цин) дали стимул для

очередных размышлений над тем, каково положение Японии среди других стран.

Когда приходится говорить об идеях превосходства Японии в эпоху Эдо, в первую очередь вспоминают представителей школы «национальной науки» *кокугаку*: Мотоори Норинага (1730 – 1801), Камо-но Мабути (1697 – 1769), Хирата Ацутанэ (1776 – 1843). Однако и другие мыслители, принадлежащие к разным течениям мысли – чжусианству, *ёмэйгаку* («учение Ван Янмина»), представители науки горожан и «иностранных школ» (*бангаку*, *ё:гаку* и *рангаку*) также обращались к этой тематике. Идея о том, что Япония, как минимум, «не хуже» других стран, а как максимум – лучше их, таким образом, выходит за рамки одного течения и не сводится к *кокугаку*. При этом в сочинениях авторов эпохи Токугава представлена самая разная аргументация идеи превосходства Японии, которая частично повторяется от автора к автору, частично – является уникальной для каждого конкретного писателя.

Изучение подобной темы может составить отдельную монографию. Цель же настоящей статьи – сравнить представления Нисикава Дзёкэн (1648 – 1724) с идеями других авторов о месте Японии в мире, выделить общее с другими авторами и уникальное в его сочинениях. Главная работа, в которой Дзёкэн обращается к данной теме – «Нихон суйдо ко:» («Рассуждения о водах и землях Японии», около 1700), хотя в других его географических сочинениях («Кай цу:сё: ко:» («Рассуждения о торговле с Китаем и варварами») 1696, «Суйдо кайбэн» («Разъяснения по поводу свойств вод и земель») можно также встретить попытки рассуждений на эту тему.

В сочинениях эпохи Токугава представлено несколько линий аргументации постулата о превосходстве Японии. Характерно, что многие из них строились по принципу опровержения противоположных идей – о центральном положении Китая, либо Индии.

Первое представление, которое не устраивало токугавских мыслителей и которое они стремились тем или иным способом опровергнуть – идея о том, что Япония является небольшой по размеру страной и, как следствие, «неполноценной». Первый вариант контраргументации сводился к тому, чтобы согласиться с тем, что Япония действительно маленькая страна, но упомянуть при этом, что размер страны не влияет на ее качество. Именно так рассуждает Дзёкэн :

... не следует ценить свою страну, потому лишь что она огромна в размере. Определять её достоинство следует исходя из того, чере-

дуются ли там верно четыре сезона, и хороши или дурны там люди. Для стран, территория которых велика, трудно это однозначно установить, поскольку нравы и обычаи людей там многообразны.¹

Далее он указывает на многочисленные смуты в Китае, произошедшие, по мнению Нисикава как раз по причине большого размера этой страны. Практически такой же пассаж можно встретить у Мотоори Норианага:

Вообще, достойна та или иная держава уважения или нет, прекрасна она или дурна, не зависит от ее размеров. Поэтому и большая страна может быть плохой и недостойной уважения, а маленькая - почитаемой и прекрасной.²

Другая попытка опровергнуть идею о малом размере Японии – доказать обратное, причем это может парадоксальным образом сочетаться с утверждением, что размер не является главным показателем превосходства державы. В том же трактате «Нихон суйдо ко:» Дзёкэн высказывает недоумение относительно того, что Японию принято называть «страной, размером с просяное зернышко». Это абсолютно неверно: во-первых, по данным Дзёкэн, из множества островных государств Япония – наибольшая.

По словам людей сведущих, в [мировом] океане существует восемь больших островов, и Япония среди них – величайшая островная страна. Отчего же её называют маленьким островом?³

Во-вторых, если сравнить Японию со всей поверхностью Земного шара, то окажется, что Япония вполне может называться крупной страной:

Вся суша необъятна, и очевидно, что размер её огромен. То, что сейчас называют «миром» (世界) в окружности составляет триста шестьдесят градусов и не превышает пяти тысяч ри. Таким образом, если сравнить с этим протяженность Японии с востока на запад в градусной мере, то [общая протяженность суши] не превосходит [протяженности Японии] более, чем в 32 раза.⁴

¹ Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко:, с.16. Здесь и далее цитаты автора приводят по изданию: Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко:, Суйдо кайбэн, Дзо:хо кан цу:сё: ко:. – Токио: Иванами сётэн, 1988. – 196 с.

² Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко:, с. 17

³ Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко:, с. 18. Любопытно, что Дзёкэн в чем-то прав. Хотя Япония, разумеется, не является крупнейшим островным государством мира, остров Хонсю, к примеру, входит в десятку крупнейших в мире.

⁴ Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко:, с. 18

Другое направление аргументации было связано со стремлением объявить конфуцианские ценности универсальными, пусть и признавая, что они произошли в Китае, и таким образом доказать, что другая страна может обладать добродетелью в не меньшей степени, чем Китай. Эта линия рассуждений была достаточно популярной. Приведем несколько примеров. Фудзивара Сэйка (1561 – 1619), учитель Хаяси Радзан (1583 – 1657), предвосхитивший чжусианство эпохи Токугава, писал о том, что *«до тех пор, пока существуют принципы ри, нет места, не укрытого небом и нет ничего, не рожденного землей. Такова наша страна, такова Корея, таков Аннам и таков Китай»*.⁵

Асами Кэйсай (1652 – 1711) также, начиная с утверждения о «равенстве» всех стран перед Небом, приходил к выводу, что *«как небо покрывает всю землю, то и добродетель имеется в любом человеке. И любая страна может быть Поднебесной (итибун-но тэнка)»*. При этом он даже ставил под сомнение мудрость китайских мыслителей, говоря, что совершенно естественно, что китайские мудрецы писали о других народах как о варварах, и японские на их месте сделали бы то же.⁶ Араи Хакусэки (1657 – 1725), которого обычно относят к ученым-рангакуся, в своем известном сочинении «Сэйё: кибун» («Записи об услышанном о Западе», 1715) также упоминает, что мудрецы могут рождаться повсюду.⁷ Наконец, Дадзай Сюндай (1680 – 1747), правда, в несколько других выражениях высказывал ту же идею и писал об относительности «центральности» Китая: главный критерий – это следование ритуалу *ри*. От этого зависит то, как следует называть державу: (срединный) цветок (*ка*) или варварской страной (*и*). Поскольку в Японии строго придерживаются ритуала, то она никак не может относиться к варварским странам.⁸

Но в целом эти попытки с точки зрения развития идеологии оказались мало перспективными. У Нисикава можно встретить лишь отголоски этих идей. Говоря о достоинствах японского народа, он часто упоминает верное следование всем церемониям, однако конкретизации и прямого сравнения с Китаем в его сочинениях не встретить.

⁵ Цит. по: Toby, Ronald P. State and Diplomacy in Early Modern Japan: Asia in the Development of Tokugawa Bakufu. – Stanford, 1991. – P.195

⁶ Там же, p. 200

⁷ Там же, p. 202

⁸ Elman, Benjamin A. Sinophiles and Sinophobes in Tokugawa Japan: Politics, Classicism, and Medicine during the Eighteenth Century/East Asian Science, Technology and Society. – Taipei, 2008. – Vol.2, №1. – P. 11

Другая, более результативная попытка опровергнуть представление об «ущербности» Японии – отождествить *синто* с конфуцианством. Она также была связана со стремлением вывести Японию из-под культурной гегемонии Китая, которую она до этого а priori воспринимала вместе с конфуцианством, и утвердить ее в качестве самодостаточной с точки зрения источника добродетели страны. Эти попытки созвучны концепциям *рё:бу синто:* и *хондзи суйдзюку* в буддизме. При этом идея не является новой, и восходит, как представляется, к Китабатакэ Тикафуса, отождествившего императорские регалии с конфуцианскими добродетелями.

Хаяси Радзан, главный идеолог сёгуната Токугава, так же, как и Тикафуса утверждал, что Япония страна божеств и призывал к *синто*-конфуцианскому синкретизму. *Синто* при этом объявлялось японским вариантом конфуцианства.⁹ Радзан напрямую влиял на дипломатическую стратегию сёгуната. Рассуждая о том, нужно ли принимать вассальную зависимость от Китая, он писал о «двух небесах», а не одном, сыном одного из которых является китайский император и мандат которого получает. Японский государь подчиняется своему собственному «небу». Ту же идею развивал в предисловиях к собраниям дипломатических документов его сын Хаяси Гахо (1618–1688).

Другой известный мыслитель Кумадзава Бандзан (1619–1691) также рассматривал институт императора как уникальный, отождествлял императорские регалии с конфуцианскими добродетелями и утверждал, что именно их божественное влияние позволило вывести японский народ из состояния варварства. При этом он призывал не путать путь *до:* и закон *хо:* (конкретные обычаи, в которые отливается этот путь в конкретном обществе) и таким образом уходил от китаецентричности.¹⁰ Путь *до:* универсален, а законы *хо:* уникальны для каждой страны и не должны распространяться на другие. В Китае, по мнению Бандзан, появились мудрецы древности, поскольку там был для этого благоприятный климат. Однако превосходство или отсталость нужно выводить не из наличия мудрецов в историческом прошлом, а из того, насколько люди в настоящем следуют пути, указанному этими мудрецами. Почти те же идеи встречаем у Ямадзаки Ансай (1618–1682) – добродетель не легитимирует правителя (как

⁹ Burns, Susan L. Before the Nation: Kokugaku and the Imagining of Community in Early Modern Japan. – Durham: Duke University Press, 2003. – P.132

¹⁰ Толстогузов А.А. Историческая наука в Японии. – М: Вост.лит, 2005. – 593 с. – С. 346

изначальная характеристика его как индивида), а передается от правителя к правителю вместе с регалиями.¹¹

Нисикава Дзэкэн от этой риторики был, как представляется, далек. Хотя в достоинства Японии он записывал добродетели народа, но именно на конфуцианских ценностях и мудрецах акцента не делал. В своих произведениях он лишь скромно писал, что каждая страна склонна хвалить саму себя – и Индия, и Китай – все считают себя срединной державой, но все это относительно и нужно рассуждать «объективно».¹²

В эпоху Токугава не в последнюю очередь Япония прекратила контакты с Китаем, потому что не хотела подчиняться его геополитической модели. В начале периода были еще колебания по этому поводу. Хотя Токугава Иэясу (1543–1616), Хаяси Радзан и некоторые другие деятели начала эпохи Эдо высказывались за восстановление дипломатических отношений, оно так и не произошло. Кроме того, Япония сама стала принимать посольства из королевства Рюкю и Кореи. Короли Рюкю при этом частично признавали вассалитет от Японии, принимая, в частности, японские девизы правления *нэнго*. Все это, по выражению Рональда Тоби, создавало иллюзию «японского миропорядка», и давало Японии повод почувствовать себя «центром» если не мира, то своего «мирка».¹³

Своеобразным индикатором отношения к Китаю стало использование той или иной терминологии: *Тюка* – «срединный цветок» – обозначал благоговейное отношение автора по отношению к Китаю. Если использовался термин *То*: (Танская династия, надолго ставшая обозначением для Китая в целом), мыслитель, скорее всего, низводил Китай до положения «обычной страны».¹⁴ Нисикава Дзэкэн термин *Тю:ка* не употребляет, а термин *То*: у него встречается.

Еще один прием, пожалуй, наиболее часто встречающийся в японской риторике и сопряженный с относительностью идеи о срединном положении Китая – указать на «извечность» японской императорской династии, и эта идея неразрывно связана с идеей божественности страны. Хотя это представление была очень широко распространено, причины стабильности японской династии объяснялись по-разному.

¹² Правда, «объективность» Дзэкэн была своеобразной – исходя из нее как раз и получалось, что Япония превосходит все остальные страны.

¹³ Toby, Ronald P. Op. cit. P.180

¹⁴ Там же. P 201

Камо-но Мабути писал так:

*Как долго правила династия Ин? Вначале Ю уступил престол человеку, которого он считал добродетельным, но почему же тогда впоследствии престол передавался людям не столь добродетельным? В конце концов, почему же появились совершенно недобродетельные люди? Кажется, только в древние времена в течение одного или двух правлений трон передавался добродетельным людям, да и в этом нельзя быть уверенным.*¹⁵

Причина этого кроется в появлении в Китае конфуцианства, которое является ложью. И только истинная первоначальная божественная добродетель японских государей обеспечила непрерывность династии.

Похожие идеи предлагал и Токугава Мицукуни (1628 – 1701), один из ведущих представителей школы Мито. Но у него непрерывность династии определялась не столько божественным происхождением, сколько правильным соблюдением взаимоотношений между высшими и низшими. Именно в этом ключе написана «История Великой Японии» («Дай Нихон си», нач. сост. 1645).¹⁶

Не остался в стороне от этой линии аргументации и Дзёкэн:

*Хотя династия Чжоу существовала восемьсот с лишним лет, но из них и триста лет не пришлось на правления мирные, величественные и безмятежные, и тем более редки случаи, чтобы история династии превосходила триста лет. Пределы Японии не широки, но и не узки, характер, нравы и обычаи людей однородны и вместе управлять ими просто. По этой причине государева династия Японии от сотворения государства и до нынешнего времени не менялась – среди всех стран такова только Япония. Определенно, причина этого кроется в чудесном устройстве вод и земель.*¹⁷

Здесь важно подчеркнуть, что помимо «свойств вод и земель» Дзёкэн указывает и на другую важную причину: «однородность» нравов населения, благодаря которой им легко управлять.

Развивая эту идею, многие авторы писали о том, что превосходство **перешло** от Китая к Японии. Так, Хаяси Гахо в сочинении «Кай

¹⁵ Камо-но Мабути. Кокуюко: («Рассуждения о значении страны»). Цит. по: Flueckiger P. Reflections on the Meaning of Our Country. Kamononabuchi's Kokuiko://Monumenta Nipponica. – Tokyo, 2008. – Vol.63, №2. – P.239 - 240

¹⁶ Elman B. Op.cit. P.13

¹⁷ Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко.: С.21

хэнтай» («О превращении Китая», сер. XVII в.) доказывал, что после завоевания маньчжурами превосходство было Китаем утрачено и перешло к Японии.¹⁸ А Кумадзава Бандзан стремился доказать, что древние китайские ритуалы сохранились именно в Японии и что еще в древности китайцы смотрели на эту страну с почтением.¹⁹ Ямага Соко (1622 – 1685), один из главных представителей *ё:мэйгаку*, также исходя из идеи божественности и непрерывности династии, утверждал, что Япония, а не Китай, должна именоваться Срединным государством. («Тютё дзидзицу», «Истинные записи о срединном государстве», 1669).²⁰ Кроме того, в Китае к власти приходили варвары, случались иноземные вторжения, а также были эпизоды убийства императора. Наконец, Дадзай Сюндай упоминает о том, что Япония по типу правления (*хокэн* – условно можно перевести как «феодальный») гораздо больше напоминает древний Китай, чем современный (*гункэн* – основанный на власти чиновников).²¹ Однако у Дзёкэн подобных пассажей встретить нельзя, идею о непрерывности японской династии он не трактует как признак перехода к ней превосходства и «срединности». Для него это лишь уникальная черта его страны.

Итогом развития этих идей стала школа *кокугаку*, когда идея о срединном положении государства, имевшая отправной точкой Китай, была перевернута с ног на голову. Мыслители *кокугаку* перестали говорить о том, что превосходство «перешло»: оно является изначальной характеристикой Японии.

Пожалуй, главным выразителем этих идей стал Мотоори Норинага:

Истинный Путь пронизывает весь мир, он един для всех стран. Однако только в божественной стране, где правит император, суть этого Пути передается должным образом из поколения в поколение. Во всех иностранных государствах забыты традиции, идущие со времен глубокой древности. Поэтому в иностранных государствах проповедуются другие Пути, и, хотя каждый из них называется истинным, все чужеземные Пути суть лишь ответвления от главного, но отнюдь не основные, не истинные и не правильные. Поскольку сначала мир был един и никаких границ между странами не существовало, то Такама-га хара находилась над всеми странами; поскольку

¹⁸ Toby R. Op.cit. P.320

¹⁹ Burns S. Op.cit. P.254

²⁰ Толстогузов А.А. Указ. соч. С. 344

²¹ Там же, с. 360

*Аматэрасу – богиня, которая пребывает на небесах, то ничто во вселенной не может с ней сравниться. Однако в иностранных государствах до сих пор не знают об изложенных выше особенностях нашей родины, совершенно необоснованно считают, что Япония – лишь небольшой островок где-то далеко за морями.*²²

Аргументация же Нисикава Дзёкэн уникальна для его времени и основана, в первую очередь, на географических особенностях Японии. При этом он производит причудливый синтез дальневосточных и западных идей, что добавляет оригинальности его концепции. Для начала он показывает превосходство Азии над другими сторонами света, что в принципе тоже должно было доказывать превосходство к Японии, так как и она относится к Азии.

*По-видимому, из трёх великих материков первый материк (Евразия) превосходит (остальные). Второй (Америка) и («Южный континент») третий – следуют за ним. Поэтому, рассуждая о географии, обязательно повествуют о водах и землях первого материка. Опять же среди трёх великих континентов первого материка, великий континент Азия считают превосходящим остальные. Он – первый (континент) на первом (из материков).*²³

Ещё одним способом показать превосходство Японии над другими странами является описание её климата. Здесь Дзёкэн не был одинок. Ямага Соко также указывал на особые свойства вод и земель и на исключительность *синто* как моральной основы. В Японии и Китае климат схож, и это ведет к их превосходству. Однако у Китая есть существенный минус – излишняя близость варваров.²⁴

У Дзёкэна идея с климатом становится практически ведущей и он интерпретирует ее также по-своему. Япония (по данным Дзёкэна) относится к редкому типу стран с умеренным климатом, где верно чередуются четыре времени года. И, что самое важное, её столичный регион расположен точно в центре умеренного пояса (в описании Дзёкэна) – что тоже является редкостью. Так у автора смешиваются идеи широтной зональности, заимствованные у европейцев, и идея «срединности» как неперемного атрибута государство, стоящего выше остальных.

²² Мотоори Норинага. Тама кусигэ. («Драгоценная шкатулка гребней»). Перевод Ю.Д.Михайловой. <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1031> Дата обращения: 05.12.2013

²³ Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко:. С. 21

²⁴ Толстогузов А.А. Указ. соч. С.233

С климатом связана другая линия аргументации – выводимая из геомантии, географических значений триграмм «Ицзин». Он располагает по контуру карты Восточного полушария триграммы, соответствующие сторонам света, и Япония оказывается точно на северо-востоке по отношению к центру Азии.

Положение на северо-востоке – это земля, где заканчивается инь и начинается ян, земля, куда приходят божества ян и откуда уходят демоны инь... Таким образом, земля, расположенная на северо-востоке [всегда] является местом, где собираются демоны [либо] божества. И таким образом, поскольку свойства вод и земель Островов демонов [к северо-востоку от Америки] соответствуют замутненности, инь, несчастью и злу, то там и обитает нечисть. А так как свойства вод и земель Японии соответствуют чистоте, ян, срединности и правдивости, то там обитают светлые божества. Это вне всяких сомнений.²⁵

Риторикой триграмм пользовались и Хаяси Радзан в сочинениях, посвященных *синто*, и Ямадзаки Ансай, переведший язык японских мифов на язык триграмм. Однако влияние триграмм на географические свойства, а также нрав народа, они использовали в гораздо меньшей степени.

Наконец, широко использовалась и другая идея – исключительность Японии со стратегической точки зрения. В большей степени была актуальна с точки зрения обороны: после покорения Китая маньчжурами в Японии долгое время опасались вторжения. Позднее Япония страшилась в большей степени Российской империи.

Так, Ямага Соко писал о том, что сведения о доблести японских воинов распространились широко и все давно оставили мысли о ее завоевании.²⁶

О том же пишет и Дзёкэн. Япония, по его мнению, превосходит все остальные страны по своему стратегическому положению: хотя она расположена вблизи от большой страны (очевидно, намек на Китай) и могла бы подчиниться её влиянию или вовсе оказаться поглощенной, однако, будучи островным государством, она надежно защищена морем и на неё никто не посягает. Кроме того, спокойствию Японии способствует воинская доблесть и подготовленность её воинов.

²⁵ Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко: С.19

²⁶ Elman B. Op.cit. P. 20

Подводя итог, необходимо отметить, что в эпоху Токугава приводились разные попытки сначала опровергнуть периферийность Японии, а затем и доказать ее превосходство. Наиболее известной стало в последствии линия *кокугаку*, которая как бы завершает целую серию логических исканий. Помимо этого, представители *кокугаку* были наименее «интеллектуальными» в этой линии, но и не претендовали на интеллектуальность. Мотоори Норианага в связи с этим писал: *«Разум обыкновенного человека, который не в состоянии проникнуть в суть истинных принципов, начинает сомневаться в том, существуют ли безграничные, глубокие и удивительные принципы. Верить в теории, созданные человеком и кажущиеся прекрасными, – значит верить лишь в свое собственное сердце, а это-то и есть глупость.»*²⁷

Таким образом, уникальность идей Нисикава о превосходстве Японии в сравнении с другими мыслителями эпохи Токугава состояла в том, что он выводил этот постулат, прежде всего, из мысли о географической предопределенности. Из особого расположения Японии и сочетания влияния триграмм и знаков китайского зодиака, по его мнению, следовали уникальные климатические условия и характеристики японского народа. Хотя другие мыслители использовали и логику триграмм, и географический фактор для обоснования превосходства своей страны, именно сочетание этих двух объяснений было уникально для Дзёкэн. Можно утверждать, что попытки Нисикава доказать уникальность своей страны были гораздо сложнее с интеллектуальной точки зрения. Необходимо отметить и то, что в своих сочинениях он делает упор не столько на превосходство Японии, сколько на уникальность, на то, что Япония – страна достойная восхищения, но прежде всего – для самих японцев, знакомых с нравами других стран. От риторики о срединности, того или иного государства Нисикава был далек.

²⁷ Мотоори Норианага. Указ. соч. <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1031>. Дата обращения. 05.12.2013